

Цветы Шарля Бодлера

Шарль Бодлер, видимо, не может быть причислен ни к одной литературной школе. Он — та часть, которая больше целого по законам синергетики. Очень легко составить тянущийся на десятки имен список поэтов, которых можно назвать «бодлерианцами» (или «проклятыми» по слову Верлена — списки совпадут); его самого можно считать разве что добровольным учеником американца Эдгара По, переводам из которого Бодлер добровольно отдал почти семнадцать лет жизни и который, в свою очередь, стал значительно более известен за пределами родины благодаря Бодлеру. Можно называть Бодлера поздним последователем романтизма, предшественником символизма, участником антологий парнасской школы, — всегда это будет правдой, но не отразит всех граней того более значительного явления, имя которому — Шарль Пьер Бодлер. Переболеть им обречен каждый, кто хоть немного соприкоснется с поэзией нового времени.

Удивительней всего то, что Бодлер как поэт и в целом как художник слова полностью реализовался: если считать началом его серьезного творчества сонет «Креолке», написанный в 1841 году, о нем ниже, а концом — пребывание в Бельгии, эпизод, когда 3 апреля 1867 года он упал на ступени храма в Намюре, — выйдет, что на творче-

ство у него было около четверти века. Виктору Гюго для того же понадобилось почти семьдесят лет, но в итоге история и литература поставили их рядом. Кстати, этим счастливым качеством вплоть до смерти Ростана и Аполлинера в 1918 году счастливо обладали многие французские поэты, и не только поэты.

Шарль Бодлер родился в Париже в 1821 году.

Его отец, Франсуа Бодлер, начальник канцелярии в наполеоновском сенате, сам был художником (писал гуашью); он был старше матери Шарля на тридцать четыре года, имел жизненный опыт — он и священником побывал, и сложил с себя сан, и женился, и обрел старшего сына, будущего адвоката Клода-Альфонса, и овдовел, и вновь женился на бесприданнице, на двадцатипятилетней Каролине Аршанбо Дюфай. Жаль, но умер отец, когда будущему автору «Цветов зла» было только неполных шесть лет; мать годом позже опять вышла замуж, не выждав положенного срока траура, однако майор (точнее — *комендант*) Опик, человек, лишь на несколько лет старше матери Бодлера, быстро делал карьеру: он рос в чинах, стал благодаря военным действиям в Алжире подполковником, позже генералом, послом в Константинополе, в Испании, затем сенатором, — он удерживался при любой власти, только Наполеон у него был другой — не Великий, а, по крылатому слову Виктора Гюго, «Малый». Конфликт с этим человеком, а следовательно, и с матерью на долгие годы сказался на судьбе и на творчестве Бодлера: в юности Бодлер писал стихи, но от них быстро и решительно отказался — самое раннее из вошедших в его «главную» книгу написано лишь на

двадцать первом году жизни. На создание же книги даже в первом ее варианте ушло еще около пятнадцати лет. Первое относительно зрелое стихотворение Бодлера («Несовместимость») датировано 1837 годом, но и оно попало у Бодлера в «ювенилию»; опубликовано оно посмертно, в 1872 году, когда жизнь поэта окончилась, когда вокруг него стала нарастать легенда за легендой.

В 1837 году учащийся второго класса королевского коллежа Людовика Святого в Лионе получил вторую премию на общешкольном конкурсе латинской поэзии. Одно латинское стихотворение почти через тридцать лет войдет в книгу Бодлера «Осколки “Цветов зла”»: эта трогательная рифмованная, чуть ли не средневековая латынь едва ли интересовала Бодлера последних лет жизни. Видимо, это было эхо обучения в лионском коллеже: интересно то, что поэт от него не отказался.

...Юный пасынок бригадного генерала (на 1839 год) Опика решительно не желал учиться, хотя с трудом экзамены на звание бакалавра все же сдал. Но на том его карьера и кончилась: ни юристом, как старший брат, ни тем более военным, как отчим, он быть не хотел, только в долги влезал, только жаждал жить сам по себе. Он влезал в долги, путался с девицами самого дурного толка, в итоге — подхватил сифилис, бледную немочь на языке позапрошлого столетия, что относительно успешно скрывал, покуда болезнь не сказала свое слово. Никакой серьезной поэзии у него еще не было за душой — пропади он где-то в те времена, мы бы нынче имени его не знали. Но судьба поступила с ним по классическому рецепту вольтеровского Панглоса — «все к лучшему».

Трудно сказать, сколько поэтов в таком положении на самом деле сгнуло. Бодлер — не сгнуло.

Мать, отчим и старший брат решили выбить из строптивного юноши поэзию и прочую романтическую дурь, они, не ведая, что творят, отправили его в самое романтическое из возможных путешествий — в Индию. Юноша поплыл на тихоходном судне «Пакетбот Южных морей» вокруг мыса Доброй Надежды, за Мадагаскар, на Маврикий — и на Реюньон, на остров, где происходит действие романа Жорж Санд «Индиана» (1832): интересно отметить, что, несомненно, знакомый с этой книгой Бодлер впоследствии саму Жорж Санд терпеть не мог, хотя и писал ей письма. У юноши были свои представления о том, что такое Восток. Если говорить кратко, это было такое место, куда он не хотел (правда, то самое, что попадало с Востока в Париж, гашиш, точнее, ныне вышедший из употребления алжирский давамек, он в сороковые годы основательно распробовал). На судне он достиг острова. Там Шарль провел некоторое время, но именно оттуда капитан «Пакетбота» Сализ, горя о теряемых деньгах, отправил его матери и отчиму письмо, где извещал, что юноша дальше плыть отказался и через Бордо возвращается в Париж на судне «Альсид». С 9 июня 1841-го по 15 февраля 1842 года совершил Бодлер свое единственное в жизни дальнейшее путешествие «Бордо — Реюньон — Бордо». Для потомков важно то, что было в промежутке, надо помнить, что земля февраля Реюньона, вулканического острова, одного за другим дарила Франции и миру больших поэтов: Эвариста Парни (без него немислим Пушкин!), Леконта де Лиля, Огюста Лакоссада, Лео-

на Дьеркса. Без столь экзотического путешествия, надо полагать, гений Бодлера творил бы совершенно иначе, и скорей всего — он был бы беднее.

Да, все началось именно в Индийском океане: Бодлер отплыл из Бордо «в Индию»; в сентябре 1841 года двадцатилетний Шарль Бодлер отправил с Бурбона (тогда еще так именовался остров Реюньон) на незадолго до того посещенный Маврикий сонет «Креолка». Сонет был адресован госпоже де Брагар, в гостях у которой и у ее мужа побывал Бодлер незадолго до того. В Калькутту поэт не доплыл; принято считать, что у него «деньги кончились»: эта версия восходит к словам Бодлера в его же письмах к матери, а доверять ли им? Вероятно, не стоит. Вероятнее версия, что возвращение было собственной идеей Бодлера: в Индии ему делать было решительно нечего: экзотических впечатлений ему и Маскаренские острова предоставили достаточно. Он решил вернуться, видимо, подсчитав, что будет во Франции примерно к своему совершеннолетию, вступит в права наследования и сможет более не слушать приказов отчима. Так на какое-то время и случилось, однако тропические острова оставили в душе и творчестве Бодлера важный отпечаток. Очевидно при этом, что позднее они сблизили его с лучшим из выходцев с Реюньона, главой парнасцев — Леконтом де Лилем.

Проведя девять месяцев «в Индии», в марте следующего года автор вернулся в Париж; 3 марта благодаря счастливой жеребьевке не был призван в армию (отчим явно ожидал другого результата); 9 апреля Шарль Бодлер достиг совершеннолетия и смог ступить во владение своей долей наследства, доставшегося от отца; он получил 75 000 фран-

ков, некоторое количество земель и акций, до лета 1844 года он считал себя богатым человеком. И как всегда в таких случаях бывает — ошибался. Этот год стал для него кризисным: Бодлер растратил почти половину отцовского наследства. К тому же молодой человек стал распродавать свою земельную собственность, — в июле 1844-го мадам Опик, родичи — его матушка, отчим-бригадир и старший брат добились судебного постановления: Бодлер был лишен права тратить свой капитал, его наследством с сентября могли распоряжаться лишь мать и нотариус Ансель; самому Бодлеру пожизненно причитались только проценты, 2200 франков в год. Надо отметить, что грабежа тут не было, сразу после получения наследства его чистый доход был на 400 франков меньше этой суммы.

Около 40 франков в неделю. Квартира на набережной Бетюн, на острове Сен-Луи, где поэт поселился в 1842 году, хотя и на первом этаже, и однокомнатная, стоила 225 франков. Это было дорого. Бодлер недолго жил в первой своей независимой квартире. Ее он скоро покинул. Воспользовавшись тем, что располагавшийся на том же острове Сен-Луи «дворец» Лозена перешел в руки барона Пишона, разбившего его на квартиры и предложившего их для сдачи внаем, Бодлер переехал туда: именно там он и старший товарищ по искусству и бедности Теофиль Готье основали «Клуб любителей гашиша», подаривший им какие-то минуты наркотического счастья. В том же клубе, кстати, возник и был скоро написан «Граф Монте-Кристо» — Дюма-отец, как и многие другие прославленные писатели, нередко бывал здесь. Но после ареста отцовского наследства де-

нег у Бодлера осталось всего ничего, он съехал и оттуда: он писал своему квартирному владельцу: *«Милостивый государь, я колю дрова в моем салоне и таскаю за волосы свою любовницу. Подобное случается у всех, и я не вижу причин, почему вас это должно беспокоить»*. Видимо, барон согласен был примириться с гашишем, но не с колкой дров в гостиной. Бодлер не мог платить ему вообще.

В 1843 году он впервые напечатался, позже, в 1845-м, но уже за подписью «Бодлер-Дюфай» он опубликовал в журнале «Артист» сонет «Креолке», написанный именно во время недобровольного путешествия «в Индию» в 1841 году — сонет был послан с Бурбона на Маврикий госпоже де Брагар, таким образом, начался поэт задолго до 1857 года, до издания главной его книги. И девять месяцев в море бесследно для его мрачного творчества не прошли.

Безденежье Бодлера никогда, кроме двух лет после получения наследства, его не покидавшее, отражено в творчестве, хотя и очень опосредованно. Париж, город Бодлера, известен также и тем, что Бодлер жил в нем более чем по сорока адресам: поскорее сбегал, когда очередная, по его же выражению, «падаль-домовладелица» требовала денег за жилье. Периодически случалось и так, что переночевать Бодлер мог только в публичном доме. Если вспомнить, какая болезнь не покидала его, заново оценишь мрачную иронию некоторых его стихотворений — и даже названий. Однако главные адреса Бодлера: на острове Сен-Луи, первый — на первом этаже, другой — под самой крышей дворца Лозена. Здесь он прожил около двух лет, здесь написал изрядную часть «Цветов зла»,

здесь встречался со своей главной любовью — квартиронкой с Гаити Жанной Дюваль, актрисой и алкоголичкой. В письмах к друзьям он иной раз даже называл ее своей женой... но Бог избавил, это лишь мерещилось: ему снился некий фантазм, потом уже наяву раздавался резкий шум — поэт просыпался в холодном поту — это Жанна зачем-то двигала мебель. Конечно, жил он на набережной Вольтера — правда, кто только на ней не жил: от самого Вольтера до Оскара Уайльда, и все случайные жилища, в которых пришлось ночевать Бодлеру, едва ли можно найти нынче в Париже, чтоб украсить их мемориальными досками с сомнительной в смысле точности и еще больше сомнительной в смысле престижа информацией. Но таков был Париж, таков был поэт Парижа, декларативно не любивший природу, ислам, Америку и вообще все, чего нет в Париже, чему там, с его точки зрения, не было места. Без ощущения Парижа — ничего не понять в поэзии Бодлера.

Бедность обрекала Бодлера на поиски дополнительных средств, он начал писать статьи о живописи, о литературе, прежде всего о любимом Эдгаре По, которого параллельно остальным занятиям деятельно переводил. Переводил не по заказу, а по зову души: *«Я хочу, чтобы Эдгар По, которого ни во что не ставят в Америке, стал великим человеком во Франции»*, — писал Бодлер Сент-Бёву после выхода первого тома переводов. И поэзию, а еще более того — прозу Эдгара По французские издательские приняти: даже платили больше. Но Бодлер того и хотел, для него Эдгар По был настоящей иконой.

С апреля 1845 года, когда в публикации Бодлер впервые поставил под опубликованным стихо-

творением фамилию «Бодлер-Дюфай», начинается формальная литературная карьера будущего автора «Цветов зла», его известность; заметим, что фамилию «Дюфай» он добавил к собственной, видимо, в расчете на то, что мать этот жест оценит. Едва ли она его *поняла*: псевдоним не прижился. Читала ли матушка стихи вообще? О талантливости сына она позже спросила Максима Дюкана, которому посвящено «Плавание». Спросила на приеме в Константинополе: Дюкан лишь кивнул, боясь рассердить посла, генерала Опика. Трудно сказать, что подумала в этот миг мать великого поэта. В силу того, что сделал ее мужа послом другой поэт, министр иностранных дел Франции Ламартин, совсем без внимания этот факт едва ли остался.

Поэт впадал в отчаяние. Оно, возникнув на почве бедности, многих поэтов довело до самоубийства. В свои двадцать четыре года счел подобный выход наилучшим и Бодлер. 30 июня 1845 года он написал письмо нотариусу Анселю, ведшему его дела, где отдавал инструкции о том, что делать, когда он будет уже мертв. Всё оставшееся после уплаты долгов поэт завещал Жанне Дюваль, своей темнокожей подружке. Но незадачливый самоубийца всего лишь нанес себе неглубокую рану в грудь. Дело было в кабаре, подоспел врач, не сильно пострадавшего поэта отнесли на квартиру к Жанне. Очень быстро его забрала оттуда матушка и перевезла к себе: через двадцать с небольшим лет точно так же она привезла его, уже находившегося на пороге смерти, в Париж из Бельгии. Но поскольку рана была мелкая, через несколько дней неудачливый самоубийца от матери сбежал, прихватив с собой «сундучок с обувью, бельем и двумя чер-

ными галстуками» и книгами, само собой. С этого времени начинается его странствие с квартиры на квартиру, подарок исследователям его творчества с точки зрения путешествия «по бодлеровским местам Парижа».

Весной 1848 года отчим Бодлера получил генеральское звание, после того как быстро перешел на сторону республики. Несмотря на это, в июне в легком подшитии Шарль бродил с двустволкой вокруг баррикад и чуть ли не кричал повстанцам, чтобы они непременно «расстреляли генерала Опика». Но в июле баррикадный огонь угас, оставив в душе молодого поэта не столько настроение бунтаря, сколько еще более жаркую, чем прежде, любовь к живописи Эжена Делакруа. А генерала вошедший в правительство Ламартин отправил послом Франции в Оттоманскую империю, в Константинополь.

Денег Бодлеру, несмотря на подработку публикациями, всегда не хватало. В заметно более позднем письме актеру Ипполиту Тиссерану от 28 января 1854 года поэт писал: «У меня ни единого су, в буквальном смысле; 20, 25 франков означают для меня, когда я заперт, как сейчас, неделю жизни». Если вспомнить, что накануне отправки в Индию несостоявшийся студент Сорбонны за два месяца наделал долгов на две тысячи франков, что равнялось годовой ренте его матери после смерти отца, станет ясно, что с деньгами у Бодлера отношения были не лучшие. И не случайно его первым серьезным эссе была зарисовка с натуры: эссе «Как вы платите долги, если вы гений» (1845): лирический герой зарисовки морщил лоб, как *шагреневую кожу*, — иначе го-

воря, Бальзак в данном случае был безусловным источником вдохновения для Бодлера. Важно, что за подписью «Бодлер-Дюфай» зарисовка была опубликована в августе 1846 года, но годом раньше — вовсе без подписи в другом месте. Надо думать, гонорар он получил дважды, и только это имело значение для Бодлера. Сейчас эта миниатюра переведена более чем на десяток языков, она продолжает жизнь. Написать о долгах с целью отдачи долгов так, чтобы это стало фактом большого искусства, может лишь гений.

Он писал о живописи, о выставках в Салоне: иной раз интересно прочесть, как раздражал его баталист Орас Верне (есть основания думать, что раздражал он поэта не столько живописью, сколько придворным успехом и тем, что баталист вызывал у него мысли о ненавистном отчине). Истинным ценителем живописи Бодлер был, но насколько он действительно понимал ее, трудно сказать. То, что он во времена «растраты наследства» иной раз покупал то ли копии картин, то ли подделки, — факт доказанный.

Не так уж была велика инфляция в те времена в относительно благополучной Франции, по крайней мере при жизни Бодлера, и мы можем сравнить финансовую сторону жизни этих людей. Первый муж оставил вдове ренты примерно столько же, сколько сыновьям — каждому около двух тысяч франков в год. Когда умер сенатор Опик, его вдова получила от государства пожизненное содержание в одиннадцать тысяч франков, а квартира в Онфлере ей и так принадлежала. Между тем Бодлер писал в письмах третьим лицам, что сенатор умер, оставив вдову «без средств». Он и посмертно сводил